

У

же не раз говорилось о подчеркнута женской природе лирики Светланы Курач¹. В таком определении закономерно таятся черты характера поэтессы.

Причем сказываются они как в стихотворениях и строках выразительных, образных, так и в сюжетах и картинах досадных, проходных. Это — стихия, но не яростная, страстная, а просто изменчивая, забывающая вчерашние удачи и стремящаяся продлить течение поэтической речи, ее слитность с внешним миром и потаенными коллизиями авторской души.

Светлана Курач «считывает» реальность, не особенно ее систематизируя и разглядывая пристально. Так происходит во множестве ее вещей, что делает автора похожим на иных стихотворцев нашего говорливого века.

Однако, когда взгляд поэтессы замедляет свое порывистое или даже лихорадочное движение, фрагментарная внешняя картина становится последовательной, и одно наблюдение вытекает из другого, предыдущего, слог обретает редкую отчетливость, и мы видим художника, не ангажированного временем и событиями, но — живописующего.

¹ Светлана Курач. Давай нарисуем надежду: стихотворения. — Омск, 2016. В зеркало неба смотреть: стихотворения. — Омск, 2019.

Ожили мертвенные прутья
Дерев уснувших, отшумевших.
Боюсь нечаянно спугнуть я
На ветви ангелов присевших...
Они летят со снегопадом
На сквер с часовой серафима
И провожают светлым взглядом
Людей, сквозь снег идущих мимо.

Ее ведет яркое и сильное чувство, сквозь волны которого просвечивает смысл — угадываемый и прямо неназываемый. Это — самая существенная часть дарования Светланы Курач. Художественная точность и интуитивное стремление изобразить мир не торопясь притягивают внимание читателя и располагают к автору.

Между тем, желание следовать за ритмом времени порой сбивает такую «настройку» творческого зрения поэтессы, и читатель проваливается в подробности еще одного столь распространенного сегодня «дневникового» стихотворения. И вот здесь можно обозначить главную претензию к корпусу сюжетов Светланы Курач: малая глубина поэтических прозрений. Во многом они на уровне должного — для ума и сердца традиционного человека. Подобное качество в координатах личности, безусловно, положительно. Но в пространстве литературы душа читателя жаждет эмоциональных потрясений и хочет видеть искры, возникающие от столкновения понятий и людей, впечатлений и смыслов.

У Светланы Курач очень часто первоначальная посылка лирического сюжета оказывается сильнее написанного далее стихотворения, которое превращается в некий «комментарий впечатлений», совершенно упуская задачу развития главной мизансцены или тезиса до последнего обострения. Этот стихийный внутренний поэтический «комментарий», пожалуй, скрадывает лучшие стороны таланта автора, подменяя их красочным многословием. Эмоциональные примечания к событию, являясь органическим свойством поэтической речи Светланы Курач, несомненно, требуют проявления ее художественной воли. Она должна ввести их в берега и придать им драматургический вес, преодолев нынешнее состояние самодостаточного эмоционального полководца.

Избыточность стихотворной речи, как правило, не позволяет Курач развить сюжет строгий, наполненный значительным смыслом — житейским или философским. Очень часто она помещает в стихотворение свои «боковые» ассоциации, которые не существенны в смысловом и стилевом отношении, но создают, однако, некую панораму изображения, попутно не давая развития художественно важным приметам и наблюдениям. И возникает некая «случайная полнота», в которой многие элементы произвольны и необязательны, а возникающие в «теле» лирического рассказа отчетливые, образно неожиданные и весомые строки кажутся поистине драгоценными.

Например, остается в памяти строка «несла корова осторожно вымя» в стихотворении «Мешая запах мяты и полыни...» — зримая, глубокая и обширная по примыкающим, но так и не развернутым событиям, и как будто взятая из какого-то другого сюжета.

Или двустипшие «Скажи мне, мама, где же взять тепла / Большой стране, чтоб

по краям согреться?» из длинного повествования о крымских событиях. Полный текст в литературном отношении не отличается новизной, но приведенные две строки пронзают всякое русское сердце, болеющее за судьбу России.

Именно так проявляется стихия в творчестве Светланы Курач — отнимая чувство меры, поглощая автора на деле, а внешне, вроде бы, давая ему полную свободу самовыражения. Но по наитию, по неуловимому движению «поэтического воздуха» появляются и прекрасные стихи — гармоничные, цельные, точные по словам и образно емкие. Вот одно из лучших стихотворений, в котором внутреннее зрение лирической героини отличается остротой и соединяется с горьким восприятием славянской доли:

Ежевичные заросли вдоль побережья,
Утонченная графика темной осоки...
На Иртыш выбираться мы стали пореже,
Ачаир, как всегда, — это случай особый.
Отдыхает душа от тревог и исканий,
Наслаждается тело прохладной волною.
И врачует земля — то травой, то песками,
Очищается взор высотой голубою...
Лаконичен ландшафт... Только много ли надо
В час, когда чей-то дом уничтожен?
Созревают ли яблоки мертвого сада,
И течет чья-то боль сквозь границы таможен?
Ты гори, мой костер, как свеча мировая!
Вознеси мою требу созвездьям и Богу!
Чтобы братья-славяне, славян убивая,
Понимали, куда выстилают дорогу!
Ты гори, мой костер! Будет Ангел Последний,
Что мечом и огнем нам границы очертит,
Отделив тьму от света... И в даях столетий
Да прольется над родиной Свет Невечерний!
Как нужна тишина над любимой рекою...
И крылатое облако с кромкой закатной...
Это мой Ачаир осеняет покоем,
Вдаль уносит тоску — навсегда, безвозвратно!

Сплетение разных проекций и строгое развитие сюжета, отсутствие необязательных отступлений и следование форме без досадных огрехов, философское завершение вещи картиной, изобразительным штрихом — все это делает произведение не только творчески значимым, но и несущим на себе видимую печать авторской речи.

Так происходит с ее стихами вне зависимости от темы, будь то пейзажная или любовная лирика, или строки гражданского звучания. И потому главным борением для Светланы Курач становится столкновение с собой, с истоками собственного таланта, со стихией, которая пронизывает ее литературное существо.

Стоит думать, что подобная схватка ей по силам.

Я могла б уехать в другую сторону,
Но ко мне вдруг женщина подошла:
«Не туда! Там плещут крылами вороны,
Отражают пропасти зеркала».
Отвела — наверное, небом послана —
От беды и, чувствую, крестит вслед...
Оттого ль — по грязи иду, как посуху,
В непроглядной темени — вижу свет?